

**ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГРАФИИ И
ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО
РЕГИОНА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Санкт-Петербург
2004

Владимир Кабо

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Передо мною — письма, которые я писал своей матери из Ленинграда в Москву, начиная с 1957 года — первого года моей работы в Ленинградской части Института этнографии АН СССР, и до ее смерти в 1968 году. Позади у меня оставались пять лет, проведенных в тюрьме и лагере по политическому обвинению, а потом, после смерти Сталина, освобождение и возвращение в Московский университет, который я и закончил в 1956 году; обо всем этом я подробно пишу в книге воспоминаний «Дорога в Австралию» (Нью-Йорк, 1995). Думаю, что эти факты моей биографии небезразличны для правильного понимания того, о чем я буду рассказывать дальше. Моя мать, Елена Осиповна Кабо, которой адресованы эти письма, — научный работник, статистик и экономист, сформировавшийся еще до революции, в традициях старой русской интеллигенции, человек, близкий мне по духу и по взглядам; поэтому мои письма к ней выходят за рамки обычной семейной переписки.

Эти письма — как дневник. Я рассказываю в них и о своей жизни, и о том, что происходило в Институте этнографии. Я пишу по горячим следам событий, свидетелем и участником которых я был, о людях, рядом с которыми прошли эти годы. В своих письмах я старался быть по возможности объективным. Они отражают время, его вкус и запах, и уже поэтому, как я надеюсь, представляют интерес и для сегодняшнего читателя, и для будущего историка. Ниже я предлагаю лишь небольшие отрывки из множества писем — остальное остается пока «за кадром».

Эту публикацию я посвящаю памяти Николая Александровича Бутинова.

Об идейно порочных каменных орудиях

В 1960 году сотрудники сектора Америки, Австралии и Океании — Н. А. Бутинов, Ю. М. Лихтенберг, Д. Д. Тумаркин и я — задумали опубликовать сборник своих работ. В 1962 году этот сборник вышел в Ленинградском отделении издательства Академии наук под названием «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». Но этому предшествовали драматические события, связанные с моей работой о каменных орудиях австралийцев, предназначенной для этого сборника. Я надеялся, когда она будет напечатана, защищать ее как кандидатскую диссертацию. К теме работы я подошел нетрадиционно. Я хотел не только рассказать о каменных орудиях, но и показать их роль и место в

общественной жизни и духовной культуре аборигенов Австралии. Поэтому после первых глав, посвященных классификации орудий, их изготовлению и значению в хозяйстве, в моей работе шли главы о роли орудий в жизни общества — в разделении труда, в обмене, в отношениях собственности и, наконец, в искусстве, в религии и мифологии. Так о каменных орудиях первобытного общества еще никто не писал.

Н. А. Бутинов предложил работу о происхождении и этническом составе коренного населения Новой Гвинеи, Ю. М. Лихтенберг — о системах родства у папуасов, а Д. Д. Тумаркин — о роли американских миссионеров в колониальном порабощении гавайцев. Николай Александрович затронул в своей работе много острых, дискуссионных проблем первобытности. Он подверг сомнению фундаментальные понятия, на которых строилась советская теория первобытного общества, — первичность и универсальность материнского рода и матриархата и вообще значение родовой организации. Я на такое в печати еще не замахивался, но почему-то не революционные идеи Бутинова, а именно моя скромная работа, уже на стадии редподготовки, вызвала ту бурю, о которой я рассказываю дальше.

А теперь перехожу к письмам.

19.11.1960

Последние дни читал работу Бутинова, которая будет обсуждаться на следующей неделе. Она меня очень беспокоит. В ней слишком много спорных идей, и это, боюсь, может погубить весь наш сборник при его обсуждении в Москве.

Работа Н. А. Бутинова сборник не погубила, но после публикации она вызвала резкое осуждение в журнале «Советская этнография». Но об этом — дальше.

8.01.1961

Вчера состоялось обсуждение моей работы. Уже за несколько дней до обсуждения я почувствовал, что Бутинов и Тумаркин настроены к моей работе с явным предубеждением. По их замечаниям мне стало ясно, что они не понимают основную ее идею. Высокую оценку работе дала только Ю. М. Лихтенберг. Я понял, что останусь в одиночестве, так как с мнением Лихтенберга никто не считается. Поэтому, хотя до обсуждения оставалось только два дня, я пригласил археолога д. и. н. С. А. Семенова принять участие в обсуждении. Хотя времени оставалось слишком мало, он согласился, я приехал к нему и оставил работу; мы долго говорили. Кроме того, я пригласил еще двоих — Теплова, философа, интересующегося проблемами первобытного мышления, происхождения искусства и религии, и Лаушкина, археолога, научного сотрудника нашего института. Первым на обсуждении выступил Лаушкин. По его словам, работа представляет большой интерес для ученых разных специальностей — и по своему огромному материалу, и по его освещению. По словам Теплова, работа новаторская, таких работ этнография не знает. Это — монографическое изучение орудий труда от их изготовления вплоть до их объективации в культе и мифе. По мнению Лихтенберга, работа — совершенно новое и необычное явление в австралийском, не только советском, но и мировом. Семенов рекомендовал скорейшее издание работы отдельной книгой. На Тумаркина работа произвела «двойственное впечатление». Первые три главы хорошие, но четвертая глава, посвященная общественной функции орудий, содержит много ошибочных формулировок, прямолинейных и механистичных. Бутинов просто повторил то, что говорил Тумаркин, но без аргументации. Как будущий ответственный редактор сборника он предложил опубликовать только три первые главы, а над остальными продолжать работать. После моего заклю-

чительного слова Бутинов внес компромиссный вариант — обсудить мою работу в Институте археологии, в секторе палеолита, который возглавляют Окладников и Рогачев. Я охотно согласился. Семенов тоже поддержал это предложение.

Уже через несколько дней после обсуждения Бутинов пообещал включить в сборник исправленную мною вторую часть работы (четвертую и следующие главы) после одобрения сборника на ученом совете, за счет сокращений в первых главах и в других статьях.

Обсуждение моей работы в секторе не прошло для меня бесследно.

15.01.1961

На этой неделе обсуждались планы работы сотрудников сектора на этот год. Раньше я собирался начать большую работу о локальной группе как основной ячейке традиционного австралийского общества. Но после обсуждения работы о каменных орудиях, где вся критика в основном обрушилась на главу, посвященную общественному строю, у меня возникло какое-то предубеждение против этой тематики. Поэтому, по совету Бутинова и Тумаркина, я решил писать давно задуманную работу об орудиях австралийцев, но уже не по этнографическим, а по археологическим материалам как источнике для решения проблем этногенеза аборигенов. Обжегшись на общественном строе и получив похвалу археологов, я тоже склоняюсь к этой теме.

Из работы, посвященной археологии Австралии, к которой позднее присоединились разделы, написанные по данным антропологии и этнографии, выросла книга о происхождении и ранней истории аборигенов Австралии. Но до этого было еще далеко. А пока работа о каменных орудиях была мною исправлена, обсуждена в Институте археологии, и в марте 1961 года сборник был отправлен в Москву. Наш сектор, так же, как и Институт археологии, рекомендовал печатать мою работу целиком. В июле 1961 года редактор издательства А. П. Конаков приступил к работе над сборником.

11.09.1961

Редактор шипит на мою работу. Вероятно, придется пойти на некоторые уступки.

20.09.1961

Редактор настроен воинственно, хочет передать работу на перерецензию. Пусть. Недавно одна сотрудница сказала мне, что слышала от археологов «восторженные» отзывы о моей работе.

А дальше начались какие-то странные события. В партийное бюро нашего института поступил отзыв о моей работе о каменных орудиях, подписанный редактором. В этом документе я обвинялся в страшных идеологических ошибках. Было решено обсудить его на заседании нашего сектора с участием представителей дирекции и партбюро.

4 11 1961

На днях состоялось заседание сектора. От издательства пришли двое — редактор нашего сборника и его непосредственный начальник Салтанов. От института были: весь наш сектор¹, заместитель директора Вильчевский, ученый секретарь, член партбюро по производственному сектору Гинзбург. Председательствовал Бутинов. Все наши выступали единым фронтом, активно и горячо нападали на работников издательства и защищали меня. Очень хорошо отозвался о моей работе Бутинов. Но сначала заставили Конакова прочитать свой отзыв. Затем посыпались вопросы и обвинения. Потом слово предоставили мне. Я говорил, по-моему, очень спокойно и веж-

ливо. Но когда, в конце своего выступления, я перешел к характеристике стиля, каким написан отзыв, Салтанов не выдержал, вскочил, прервал меня, заявил, что это издевательство над редактором, что мы не имеем права, что это все подстроено и что он нам покажет, особенно мне: «Подождите, мы вам это еще припомним». После чего демонстративно покинул заседание, пригласив и Конакова, но тот остался. Поведение Салтанова, который покинул заседание в такой демонстративной и драматической форме, всех очень возмутило. Потребовали, чтобы все это было записано в протоколе. Очень горячо и резко выступил Вильчевский, заявив в лицо Конакову, что его отзыв, предназначенный для внутреннего (издательского) употребления и почему-то попавший к секретарю партбюро, носит характер политического доноса и что это недопустимо после XXII съезда партии. В таком же духе выступил и член партбюро Гинзбург. Он и секретарь редколлегии Лаушкин потребовали, чтобы была выяснена закулисная история этого дела: каким образом и почему документ, предназначенный для внутреннего употребления и содержащий обвинения в идеологических ошибках, попал к секретарю нашего партбюро (последний дипломатично отсутствовал). В конце концов была принята резолюция, в которой обвинения Конакова были признаны необоснованными, а моя работа технически и литературно плохо оформленной, но никаких идеологических ошибок не содержащей. После заседания Бутинов поздравил меня и сказал, что я «полностью реабилитирован». Конаков пытался унести свой отзыв и спрятал его в портфель, но я заметил и потребовал, чтобы он его вернул. Уходя, Конаков пригрозил мне, что в своем заключительном отзыве он меня «раздраконит». Боюсь, как бы эта наша победа не оказалась пирровой и работники издательства не начали мстить, особенно мне. Правда, Вильчевский и члены партбюро уверяют, что они не посмеют. Не знаю.

Что же произошло дальше?

8.11.1961

В институте меня утешают, говорят, что я остался победителем и что я должен был ответить на несправедливые обвинения. То же говорит и Бутинов: я должен был у себя в институте снять с себя обвинения, это важнее, чем отношения с издательством. Ведь работа еще не защищена, а в институте появился такой вот отзыв о ней, это надо было сразу пресечь. Может быть, он и прав.

12.11.1961

Рассказал Л. П. Потапову² о заседании и о том, что мне угрожали. Ему все это уже известно. Он тут же при мне позвонил директору издательства, рассказал о поведении его работников и сам пригрозил, что напишет об этом в их партийную организацию. Мне он сказал, что мне беспокоиться не о чем и что речь вообще идет, якобы, не о моей рукописи: издательство отчитывается перед райкомом в своей работе.

Заседание, осудившее отзыв редактора, и вмешательство Потапова, видимо, успокоили страсти.

19.11.1961

С моим редактором продолжается нормальная работа. Он возвращает по главам мою работу, я вношу исправления.

В конце концов работа была опубликована полностью, включая последние главы. Я был очень благодарен Николаю Александровичу за поддержку, которую он неизменно оказывал мне и во время, и после этих событий. События между тем приняли неожиданный поворот.

8.01.1962

Недавно молодой президент Академии наук потребовал, чтобы кадры академии состояли в основном из молодых талантливых ученых, защитивших свои кандидатские и докторские диссертации возможно раньше. А

секретарь ЦК Ильичев на совещании по идеологии критиковал работу издательств, говорил о «бесконечном редактировании, согласовании» и т. д. Но мой редактор, видимо, газет не читает. На прошлой неделе я закончил сверку второй половины рукописи после перепечатки на машинке, нашел его в издательстве и передал ему. Он стал говорить, что в перепечатанном экземпляре первой части опять есть какие-то недостатки. Придирается уже к мелочам. Потом сказал, что если я «заинтересован» в том, чтобы работа была напечатана скорее, то я должен зайти к нему домой за рукописью, так как в ближайшее время он не собирается быть в издательстве. Домой к себе он приглашает меня уже не первый раз. Я рассказал об этом Нине Ивановне Гаген-Торн. Она воскликнула: «Неужели вы не понимаете! Он приглашает вас домой, чтобы вы принесли ему бутылку хорошего коньяка со словами благодарности за его работу и с просьбой забыть прошлогодние ссоры и в новом году посоддействовать тому, чтобы рукопись была напечатана поскорее, без задержек и осложнений. Ведь он понимает, что вы заинтересованы в этом, что это ваша диссертация, от публикации которой зависит и ваша защита. А если он примет ваш подарок, вы можете предложить ему и „благодарность“... У них это так делается в издательствах, они этим живут», — закончила она. Как тебе это нравится? Я, конечно, с удовольствием «поблагодарил» бы редактора, с которым у меня были бы хорошие отношения, который не делал бы гадостей, но как поступить в этом случае? Стоит ли становиться на этот скользкий путь?

Мама не советовала мне становиться на этот путь, да я и сам был того же мнения.

28.01.1962

На этой неделе было заседание Отделения этнографии Географического общества. После заседания беседовал с двумя его членами — Л. Н. Гумилевым и Т. А. Крюковой. Выяснилось, что у них обоих, как и у председателя отделения С. И. Руденко, как и у меня, — во многом сходные судьбы. Оказалось, что Гумилев знаком и даже в хороших отношениях с моим редактором. Он обещал поговорить с ним в мою пользу и даже попытаться выяснить, не стоит ли кто-то за редактором. Дело в том, что когда я рассказал им всю историю с моей работой, у них обоих сложилось впечатление, что за этим скрываются чьи-то интриги. «Ведь вас „сослали“ в Ленинград не для того, чтобы вы здесь делали научную карьеру», — сказал мне Гумилев. По их мнению, кто-то не заинтересован в том, чтобы я защищал диссертацию. Может быть, они преувеличивают, не знаю. Между прочим, редактор сказал мне при последнем нашем разговоре, что я должен быть очень благодарен Бутинову, который все время поддерживал и защищал меня. Его, редактора, — по его словам — не раз толкали изъять мою рукопись из сборника, но Бутинов всегда возражал. «И я бы даже материально не пострадал, если бы сняли вашу работу», — добавил он. Что это значит? Словом, я не могу разделять подозрения Гумилева, пока у меня нет достаточных оснований подозревать кого-либо. Может быть, дело только в самом редакторе? Вот тебе психологическая загадка, над которой ты можешь поразмыслить на досуге, если есть охота.

11.02.1962

Гумилев, которого я встретил в Географическом обществе на этой неделе, приветствовал меня словами: «У вас все будет хорошо, я с ним говорил, все прошлое забыто, работа ваша будет печататься». Я поблагодарил его. Бутинов сейчас сам поглощен своей рукописью, так как редактор потребовал, чтобы он переделал в ней несколько десятков страниц. А в дальнейшем возможны новые неприятные неожиданности, так как остро стоит вопрос о бумаге, план выпуска книг пересматривается и сокращается, книги снимаются с плана, если они еще не пошли в набор.

В первом номере журнала «Вопросы философии» за этот год прочитал в статье Окулова «Развитие советской философии после XX съезда» о том, что техника как социальное явление и категория социологии, социальная функция техники советскими философами еще не исследованы. А ведь

этой проблеме посвящена моя диссертация. И я вспомнил А. В. Ефимова, члена-корреспондента Академии наук, руководителя сектора Америки, Австралии и Океании, который, обсуждая мою работу, с возмущением повторил мне, что нельзя говорить о «социальной функции техники», что техника не может иметь социальной функции.

10.02.1963

Четвертого февраля в секторе народов Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании³ состоялось обсуждение моей работы уже как кандидатской диссертации. Бутинов очень поддержал меня и особенно хвалил ту самую четвертую главу, на которую он когда-то так нападал. Все рекомендовали работу к защите.

О том, как ковалось единство советских этнографов, и о борьбе с «ленинградской оппозицией»

Итак, научная жизнь Института этнографии продолжалась.

30.10.1960

Состоялось первое заседание философского семинара, на котором было решено посвятить несколько занятий теме «Религиозно-бытовые пережитки у народов СССР и пути их преодоления», а на первом заседании Л. П. Потапов предложил мне выступить с докладом «Буржуазная этнография о пережитках».

4.03.1961

Подали в дирекцию заявки на доклады для VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, который состоится в Москве в 1964 году.

Николай Александрович Бутинов между тем продолжал сотрясать устои советской теории первобытного общества.

1 12.1961

Готовимся к обсуждению новой, очень дискуссионной работы Бутинова.

7 12.1961

Работа Бутинова будет обсуждаться на следующей неделе, в ней повально ставятся некоторые вопросы родового строя. Дискуссионность происходит оттого, что по этим вопросам уже сказал свое авторитетное слово Энгельс в «Происхождении семьи». Бутинов, впрочем, полемизирует не с ним, а с советскими этнографами.

17.12.1961

На этой неделе состоялось обсуждение работы Бутинова. Формально это было заседание сектора, но вернувшийся из Москвы Д. А. Ольдерогге привез распоряжение С. П. Толстова, директора Института этнографии, пригласить стенографистку. Работа Бутинова вызвала большой интерес, заседание проходило в Круглом зале, со стенографисткой и при большом стечении публики. Я тщательно подготовил свое выступление, согласился со многими положениями Бутинова, но постарался сделать это в такой форме, чтобы не возбудить «высочайший» гнев. Бутинов остался доволен обсуждением. Мне в выступлении пришлось коснуться сложных вопросов социально-экономического строя первобытных народов. Я высказал пожелание, чтобы у нас был создан труд по первобытно-общинной экономике, так как после книги Н. Зибера, написанной еще в прошлом веке, такого марксистского труда нет. Теперь я загорелся этой идеей. Мне кажется, я мог бы написать такую книгу, хотя это потребовало бы нескольких лет работы.

Одновременно с Бутиновым директор нашего института С. П. Толстов, тот самый, который направил в гнездо диссидентов стенографистку, выступил в печати с традиционными для советской науки взглядами на первобытное общество.

8.01.1962

Толстов опубликовал в журнале «Вопросы истории» статью по принципиальным вопросам первобытно-общинного строя. Опять, в который раз, проблема развития производительных сил и производственных отношений — главное в марксизме — подменена второстепенным и бездоказательным утверждением об универсальности и первичности материнско-родовой организации. А так как и австралийский материал этого не подтверждает, — локальные группы аборигенов, основной их производственный коллектив, организованы по совсем иному принципу, — то Толстов просто в нескольких строчках разделяется с локальными группами, объявляя их новообразованием, возникшим под воздействием колонизации, по его выражению — «болезненным образованием в теле гибнущего общества, чем-то вроде злокачественной опухоли». А между тем локальные группы существовали и там, где колонизация еще не затронула общественный строй аборигенов Австралии. Вот в какой обстановке приходится работать и защищать свои взгляды. Ведь если бы это не был директор, с ним просто можно было бы не считаться, но директор. Помнишь, как я хотел избрать для своей дальнейшей работы тему «Локальные группы австралийцев», как ее одобрили Бутинов и Ефимов, заведующий сектором Америки, Австралии и Океании. Теперь представь себе, что я начал бы работать над этой темой, убежденный, что я изучаю важнейшую форму общественного строя австралийцев, и вдруг директор института, в печати, объявляет, что эта форма не что иное, как «болезненное образование, нечто вроде злокачественной опухоли» и, значит, ею и заниматься не стоит, тем более, что ее возникновение и так совершенно ясно — воздействие колонизации.

В ленинградской части института продолжалась работа философского семинара.

4.11.1962

На этой неделе в институте состоялось организационное заседание философского семинара, говорили о планах работы на год. Решили открыть семинар обсуждением проблемы «Периодизация родовой общины». Вопрос, как ты знаешь, дискуссионный и чреватый. Потапов долго спрашивал, кто согласится сделать вступительный доклад. Все отказались. Мне предлагал дважды — наконец я согласился. Потапов успокоил меня: теперь можно выступать и писать творчески, не ссылаясь на авторитеты; к этому призвал член ЦК Ильичев на недавней сессии Академии наук.

8.11.1962

Меня ободряет руководящий доклад Ильичева на сессии Академии наук о необходимости творческого развития науки, об отказе от догматизма.

18.11.1962

Работаю над докладом для семинара. Получается статья больше печатного листа. Смысл ее сводится к тому, чтобы стоя на позициях марксизма, отказаться от некоторых догматических положений в этнографической науке, которые мешают движению вперед. До защиты я эту статью никуда не пошлю, но и после защиты «Советская этнография» ее, конечно, не напечатает. Ожидают из Москвы Толстова. Будет забавно, если Толстов придет на мой доклад!

2.12.1962

На этой неделе обсуждали большую работу Бутинова, над которой он работал шесть лет и которую раньше обсуждали по частям⁴. Работа очень хорошая, и я дал ей высокую оценку. Буду выступать с тем же и на ученом совете. Я очень рад хорошему качеству этой работы — идти вперед, бороться с косностью в науке можно только с такими работами.

Читаю повесть Солженицына в № 11 «Нового мира»⁵. Да, это правдивая вещь. Здесь не только лагерь — здесь вся Россия, вот в чем сила этой повести.

24.02.1963

Толстов в Москве своих сотрудников терроризирует, а по отношению к ленинградцам настроен очень недоброжелательно. По сведениям, которые доходят из московской части института, в ней господствует теоретический застой и «культ личности» Толстова. Мы в Ленинграде чувствуем себя куда свободнее.

Между тем прошло четыре месяца — только четыре месяца! — с того дня, когда Л. П. Потапов уговорил меня выступить с докладом о периодизации родовой общины. Заверил меня, что теперь можно писать и говорить свободно, не оглядываясь на авторитеты, что к творческому развитию общественных наук призывает партия. Я сделал большой доклад, он обсуждался на нескольких занятиях философского семинара.

И вот...

4.03.1963

Первого марта я выступил на философском семинаре с заключительным словом, а после меня слово взял Потапов. Его выступление произвело на всех гнетущее впечатление, оно живо напомнило доброе старое время так называемого «культа личности». Досталось всем, кто выступил на семинаре с какими-то новыми идеями, в том числе и мне. Наши гости — археологи — были возмущены. Говорят, что накануне Потапов получил нагоняй от Толстова, который накричал на него за то, что он «распустил» ленинградскую часть института и «не умеет руководить». Вот он и показал, как сумел, что он достоин быть руководителем научного учреждения. Его выступление прозвучало резким диссонансом тому, к чему призывает работников общественных наук ЦК партии в лице Ильичева — «творчески развивать марксистскую науку об обществе», идти от фактов к теории. В выступлении Потапова фактов не было, были только цитаты и громы небесные на головы заблуждающихся. Все это еще будет иметь продолжение: некоторые члены партии уже выразили Потапову свой протест, собирается выступить и Бутинов.

Осенью 1963 года институт начал вплотную готовиться к международному конгрессу, который должен был открыться в Москве летом следующего года. Оттачивалось идеологическое оружие.

27.10.1963

Продолжается обсуждение советских докладов для международного конгресса. На следующей неделе в Москве состоится заседание оргкомитета и совещание «Морган и его периодизация первобытной истории в свете современной этнографии». К этому совещанию Бутинов подготовил хорошее, очень острое выступление.

Совещание, посвященное Моргану, должно было стать генеральной репетицией советских историков первобытного общества перед конгрессом.

3.11.1963

Подробностей о том, как прошло совещание в Москве, еще не знаю. Слышал только, что Бутинов выступил и что потом ему досталось от Толстова.

Тем временем я ожидал появления в печати моей рецензии на новую книгу Фредерика Роуза об аборигенах острова Грут-Айленд. Рецензия давно была отослана в журнал «Советская этнография», который по теоретическим вопросам выражал лишь взгляды дирек-

ции нашего института. В основе книги Ф. Роуза, как и других его трудов, лежал многолетний опыт полевого исследователя, непосредственно и всесторонне знакомого с жизнью аборигенов Австралии в то время, когда традиционные основы их общества еще не были разрушены воздействием колонизации. В книге широко использовались методы демографической статистики. Книга была новаторской по своей методологии и оригинальной по своим выводам. Это было новым словом в изучении традиционного общества охотников и собирателей. Кое с чем в этой книге я не был согласен, что я и отметил в рецензии, но в целом книга заслуживала высокой оценки. Добавлю, что автор книги не подпадал под категорию «буржуазных ученых», с которыми вели борьбу советские этнографы. — он был коммунистом, последние годы жил в ГДР и возглавлял кафедру этнографии Берлинского университета. Он приезжал в Советский Союз и встречался с Толстовым, с которым у него возникли теоретические разногласия. Итак, вернемся к письмам.

3.11.1963

Мне вернули из «Советской этнографии» мою рецензию на книгу Ф. Роуза, ее отклонили на основании двух отрицательных отзывов. Эти анонимные отзывы мне прислали. Меня обвиняют в том, что я не очернил книгу Роуза целиком, в том числе его «сомнительную методику» (т. е. статистический метод), в том, что я назвал его марксистом, хотя с ним не согласны многие советские этнографы, и т. д. Я решил написать Толстову как главному редактору журнала, выразить свое несогласие с авторами отзывов и спросить его, почему в журнале отсутствуют свободные, творческие дискуссии по коренным теоретическим проблемам этнографии.

9.11.1963

Бутинов, вернувшись из Москвы, рассказал, что происходило на совещании, посвященном Моргану. Сначала с докладом, подготовленным для конгресса, выступил наш новый институтский идеолог — Ю. И. Семенов. Затем началась дискуссия. Наиболее резким было выступление Бутинова, который навлек на себя «высочайший» гнев Толстова. По словам Бутинова, в выступлениях Толстова и Семенова, отвечавшего Бутинову, не было никаких аргументов — только брань. В кулуарах многие поддержали Бутинова. Он настроен оптимистически.

В 1963 году, в третьем номере «Советской этнографии», работа Бутинова, опубликованная в сборнике «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», подверглась сокрушительной критике. Статья в журнале была подписана столпами теоретической мысли московской части нашего института — Ю. П. Аверкиевой, А. И. Першицем, Л. А. Файнбергом и примкнувшим к ним Н. Н. Чебоксаровым. Она называлась «Еще раз о месте материнского рода в истории общества». «Учение Энгельса о материнском роде» как закономерной и универсальной стадии в истории человечества авторы статьи отождествляли со всей теорией марксизма о путях развития человеческого общества. А это означало, что отступники, посягающие на «учение о материнском роде», порвали с марксизмом и им нет места среди советских ученых. Попутно авторы статьи лягнули и меня. Мы оба — Бутинов и я — написали в редакцию «Советской этнографии» письма, в которых ответили на критику.

9.11.1963

Прочитал полученное с машинки письмо Бутинова в «Советскую этнографию». Написано оно очень хорошо — спокойно и убедительно.

8.12.1963

Толстов слег после удара; некоторые связывают это с грозящим нам большим сокращением штатов, а другие — с тем, что Хорезмская экспедиция, которой он руководит, как выяснилось, перерасходовала 60 тысяч рублей.

2.01.1964

Накануне нового года было заседание сектора, на котором обсуждалась пресловутая статья четырех авторов в № 3 «Советской этнографии». Никто из всего состава большого сектора Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании не поддержал ее, почти все ее осудили. В некоторых выступлениях были аргументированно показаны недобросовестность и невежество ее авторов. Общественное мнение в ленинградской части института на нашей стороне.

Мне снова вернули мою рецензию на книгу Роуза. По указанию Толстова рецензия была передана на третий отзыв. Отзыв, конечно, отрицательный и такой же необоснованный, как и прежние два. Сначала я хотел плюнуть, но потом решил, что нельзя все это оставить без ответа и написал в редакцию «Советской этнографии» новое письмо, в котором, пункт за пунктом снял все возражения третьего рецензента.

Моя рецензия так и не была опубликована.

По мере приближения международного конгресса страсти разгорались. Дирекция института собиралась дать бой «буржуазным ученым» на симпозиуме, посвященном Моргану, который должен был происходить в рамках конгресса, с участием советских и зарубежных ученых. В апреле в Москве состоялось еще одно совещание по теоретическим проблемам первобытного общества.

16.04.1964

На совещании в Москве была жаркая дискуссия. С одной стороны выступали Н. А. Бутинов, С. А. Токарев, Д. А. Ольдерогге, философ Г. Ф. Хрустов, с другой — клеветы Толстова (его самого не было). Очень резко выступил С. И. Брук, заместитель директора, очевидно, по заданию Толстова, грубо обрушился на Бутинова, говорил о «ленинградской оппозиции», о том, что на конгрессе советские этнографы будут выступать единым фронтом и это единство будет достигнуто «во что бы то ни стало». После совещания Бутинова вызвали в дирекцию и предложили ему на симпозиуме по Моргану, на конгрессе, вообще не выступать. Бутинов вернулся в Ленинград в мрачном настроении и сказал, что «ждет репрессий». Я этого не думаю, но ясно одно — наши догматики стремятся любыми средствами закрыть нам рот. Если им это удастся, — а в их руках вся административная власть в институте, журнал, издательство, — то они достигнут только того, что прекратится всякое развитие творческой теоретической мысли в советской этнографии.

29.04.1964

Во главе мorganовского симпозиума на предстоящем конгрессе поставили Д. А. Ольдерогге — все же без него не обошлись, хотя он духовный отец «ленинградской оппозиции»

Предчувствия Бутинова не обманули его — была сделана попытка исключить его из партии, правда, не удавшаяся⁶. Но мстить ему продолжали.

21.07.1964

День моего отъезда в Москву для участия в международном конгрессе все еще неизвестен. Потапов желает предварительно «поговорить» со мной

и пока не дал согласия на мой отъезд. Все ясно: Бутинова совсем не пустили на конгресс, а со мной хотят «говорить». А между тем я назначен секретарем секции и мое присутствие, по крайней мере за неделю до конгресса, желательно.

В Москву я в конце концов поехал и в конгрессе участвовал. Бутинову отказали в командировке на конгресс и запретили встречаться с делегатами-иностранцами, которые должны были приехать в Ленинград после конгресса. Наши письма в «Советскую этнографию» с ответами на критическую статью, опубликованную еще в 1963 году, дирекция института и редакция журнала отказывались печатать. И только после конгресса в институте что-то начало меняться, и в третьем номере «Советской этнографии» за 1965 год, спустя два года после того, как мы отослали наши письма, они наконец-то были опубликованы⁷. В том же номере был опубликован ответ наших критиков. Не сказав по существу ничего нового, они выразили сожаление по поводу тона своей статьи. Под ответом стояли подписи Першица, Файнберга и Чебоксарова; Аверкиева, вероятно, не желая поступаться принципами, его не подписала.

10.01.1965

Из редакции «Советской этнографии» сообщили, что они решили опубликовать наши письма в редакцию.

14.03.1965

Состоится обсуждение работы Бутинова о папуасах Новой Гвинеи — той самой, которая не была принята московским ученым советом и которую заставили переделать. Теперь она обсуждается в новом варианте.

25.03.1965

Вчера закончилось обсуждение работы Бутинова. Хотя в моем выступлении было много критики, оно, по словам Бутинова, его очень удовлетворило. Выступали многие; совсем отрицательных выступлений не было. Работу рекомендовали ученому совету для утверждения к печати. Теперь она пойдет в Москву и, как всегда, москвичам будет принадлежать решающее слово.

Книга Н. А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи» была опубликована только в 1968 году.

1.07.1965

Вышел третий номер «Советской этнографии» с нашими письмами в редакцию — Бутинова и моим — и ответом наших критиков. Одновременно в «Вопросах философии» публикуется дискуссия по книге Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества» — с моим участием. Впервые разногласия в нашей этнографической науке вынесены на суд широкого читателя, и это уже хорошо.

11.07.1965

Недавно Бутинов ездил в Москву на обсуждение своей книги. Группа наших московских этнографов по-прежнему стоит на своей догматической позиции, по-прежнему пытается удержать монополию в науке. Их ответ на наши письма в последнем номере «Советской этнографии» поражает своей теоретической и фактологической беспомощностью.

18.12.1965

Новый директор нашего института еще не назначен, но говорят, что это будет Ю. В. Бромлей — мой бывший однокурсник на истфаке МГУ. Его явное преимущество перед другими претендентами на директорское кресло состоит в его связях в руководстве Академии наук. Как остроумно сказал Ольдерогге, когда двое отталкивают друг друга у дверей автобуса, проходит третий. Двое — это Потапов и Терентьева.

Последний отрывок из моих писем в этом ряду относится уже к 1968 году. Речь в нем идет о сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ. Книга 1». Он увидел свет в том же 1968 году и был подготовлен сектором методологических проблем Института истории АН СССР. Душой сборника была Л. В. Данилова. Многочисленные его статьи были посвящены дискуссионным проблемам доклассовых и раннеклассовых формаций. Были представлены различные, иногда противоположные взгляды. Этнографы выступали здесь наряду с историками и востоковедами, на фоне больших общесторических проблем. Н. А. Бутинов выступил с большой содержательной статьей «Первобытно-общинный строй», я — со статьей, посвященной первобытной общине охотников и собирателей. Из этой работы позднее выросла книга «Первобытная доземледельческая община».

24.07.1968

Получил корректуру своей статьи для методологического сборника Института истории, вокруг которого было столько разговоров, открытых и закулисных. Если сборник наконец выйдет, он ознаменует собою своего рода революцию во взглядах на первобытность.

Мое письмо свидетельствует об обстановке борьбы вокруг сборника — борьбы, отражающей колебания внутри идеологического аппарата партии, напуганного «Пражской весной». Вероятно, было решено опять закрутить гайки. Вторая книга задуманной серии так и не появилась, а сектор методологических проблем истории был ликвидирован.

Но наше слово уже прозвучало.

Сколько стоит кило картошки

Начну с начала.

25.01.1961

Потапов вернулся из Москвы и сообщил мне о своем разговоре с Толстовым относительно моего участия в Международном Тихоокеанском конгрессе, который состоится на Гавайских островах. Толстов сказал, что на конгресс я поехать не смогу, а доклад можно послать — но это будет зависеть от содержания доклада. Не думаю, что есть резон тратить время на работу над докладом, если он уедет на конгресс без меня.

Между тем мои коллеги, Бутинов и Тумаркин, продолжали активно пробиваться на конгресс и, казалось, уже достигли некоторых успехов. Увы.

24.07.1961

На конгресс никто из наших океанистов не поедет. Какое разочарование для Бутинова и Тумаркина, которые потратили на это столько усилий, энергии, времени, возлагали на это столько надежд! И как хорошо, что я был избавлен с самого начала от всего этого.

Но это был не последний Тихоокеанский конгресс — в 1966 году он предстоял снова, теперь уже в Японии. На этот раз дирекция не возражала, и мне выдали хорошую характеристику.

27.01.1966

Василеостровский райком должен на этих днях утвердить мою характеристику для поездки в Японию на Тихоокеанский конгресс.

В райкоме меня ждало разочарование — я не сумел ответить на вопросы членов выездной комиссии. Вернее, одного из них, пожилого пенсионера, сидевшего во главе стола, — остальные члены молчали. Оказалось, чтобы ехать на конгресс океанистов, надо знать, сколько стоит в наших магазинах мука и картошка, с какого возраста получают пенсию колхозники, как зовут председателя уругвайской компартии и тому подобное. Всего этого я, конечно, не знал.

13.02.1966

Вчера я пошел в райком на выездную комиссию. Комиссия не утвердила мою характеристику на том основании, что я не сумел точно ответить на несколько второстепенных вопросов. Круг вопросов, которые они задают, не известен заранее, и это дает повод для произвола. Все это имело очень недобросовестный характер. Я был возмущен и тут же заявил о своем несогласии с решением комиссии. Затем написал заявление в партбюро нашего института.

20.02.1966

Члены нашего партбюро говорили обо мне в райкоме, и там им сказали, что решение выездной комиссии в отношении меня не окончательное и они вскоре пригласят меня на «перезамену». Очень не хочется повторять это снова, но меня убеждают сделать это.

20.03.1966

Вчера я, по совету секретаря нашего партбюро (который предварительно договорился об этом в райкоме), снова пошел на заседание выездной комиссии. Председатель комиссии сказал мне, однако, что он удивлен (!) моему приходу и что комиссия остается при своем прежнем решении и не рекомендует меня для поездки в Японию. Никаких вопросов мне не задавали. К сожалению, я не спросил, чем вызвано такое решение, но думаю, что правды мне все равно не сказали бы. Секретарь партбюро обещал выяснить в райкоме истинную причину упорства членов комиссии и чем объяснить, что одни работники райкома просят меня прийти, а другие удивляются моему приходу.

27.03.1966

Оружия я не складываю, но шансов на поездку становится все меньше. Выдумываются все более нелепые предлоги для того, чтобы я не поехал. О подробностях расскажу при встрече.

Конгресс прошел без меня. А осенью того же года в ленинградской части института произошли другие события.

29.09.1966

Вчера состоялось заседание ученого совета, посвященное выборам старших научных сотрудников по специальности «этнография Восточной и Юго-Восточной Азии». Конкурсная комиссия объявила, что поступило три заявления — от Ю. В. Маретина, Мухлинова и Кабо. Последний достоин быть старшим научным сотрудником, но по специальности «этнография Австралии и Океании», поэтому комиссия решила меня в бюллетень для голосования не включать и мою кандидатуру отвести. Это очень возмутило Д. А. Ольдерогге. Он заявил, что это дискриминация, что океанистика имеет прямое отношение к этнографии Юго-Восточной Азии. После него с аналогичными заявлениями выступили Бутинов и еще несколько членов ученого совета. Говорили о том, что у меня есть работы по Юго-Восточной Азии, что я работал в сотрудничестве с Чебоксаровым над введением к тому «Народы Юго-Восточной Азии». Ольдерогге брал слово еще несколько раз

и бился за меня как лев с большим упорством и находчивостью. Сказал, что «когда нужно было работать над томом по Юго-Восточной Азии, то Кабо был нужен, а теперь — долой его». Наконец, Потапов поставил вопрос о включении меня в бюллетень на открытое голосование, что тоже является нарушением процедурных правил и давлением на членов ученого совета. В бюллетень меня так и не включили. Попутно выяснилось, что ставка первоначально предназначалась для одного Маретина. Затем состоялось голосование, в результате которого ни Маретин, ни Мухлинов не получили требуемого большинства, и обе кандидатуры были отклонены. Сегодня, на другой день после ученого совета, институт бурлит, сотрудники открыто выражают свое возмущение этой некрасивой историей. Ольдерогге сказал, имея в виду меня, что нельзя ученого «поливать административными помоями». По мнению Бутинова, решение не допускать меня на Тихоокеанский конгресс исходило из института. После вчерашней истории в это легко поверить.

8.10.1966

Я сам виноват в том, что произошло. Если бы я не поддерживал Бутинова, не выступал с независимыми и самостоятельными взглядами, может быть, я был бы уже старшим научным сотрудником. С Маретиным у меня охлаждение наступило еще до ученого совета. Он начал собирать деньги с авторов только что вышедшего Сборника МАЭ (в котором и он участвует), чтобы разослать его по обширному списку, включающему директора института, его заместителей, членов ученого совета, академиков и т. д. Я наотрез отказался от участия в этом мероприятии, заявив ему, что оно кажется мне «подхалимским».

2.11.1966

Сегодня П. И. Борисковский докладывал в Институте археологии о Тихоокеанском конгрессе в Токио, где он был этим летом. Сказал, что австралийские ученые, которых он там встретил, «в голос плакали», что меня не было на конгрессе, и выражали надежду, что мне удастся приехать на следующий конгресс, который состоится через четыре года в Австралии.

5.02.1968

Мне очень нравится афоризм Расула Гамзатова: «Умный, сидя в своем кабинете, увидит больше, чем дурак, совершивший кругосветное путешествие».

Примечания

1. В то время он включал и американистов.
2. Л. П. Потапов в 1948—1967 гг. заместитель директора института, руководитель его ленинградской части.
3. Письмо отражает произошедшие к тому времени перемены: группу Австралии и Океании разлучили с американистами и объединили с сектором народов Восточной и Южной Азии.
4. Вероятно, речь идет о будущей книге Н. А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи».
5. «Один день Ивана Денисовича».
6. *Решетов А. М.* Предисловие // Бутинов Н. А. Народы Папуа Новой Гвинеи. СПб., 2000. С. 8—9.
7. Подробнее о статье четырех авторов и «Письме в редакцию» Н. А. Бутинова см.: *Решетов А. М.* Указ. соч. С. 7—10.

SUMMARY

Vladimir Kabo

Letters from Afar

Letters, which the author wrote to his mother Elena Kabo from Leningrad throughout the 1960s, are a valuable historic source. They portray

life in the Institute of Ethnography in the Post-Stalinist period. The letters expose confrontation between the conservative forces in the Institute and a small group of scholars, which included Nikolai Butinov, who championed revision of the foundations of Soviet theory of primitive society. This struggle, which took at times a dramatic turn, reflected the increasing reactionary tendencies in the Communist Party's ideological apparatus. Scholars-dissidents were banned from travelling abroad and meeting foreign colleagues, their published works were severely criticised from the dogmatic Marxist standpoint, and publication of their new works was hindered.